

¹ См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 593—594.

² Установление дипломатических отношений между Чехословакией и СССР в передовой статье газеты «Правда» оценивалось как акт, «являющийся еще одним дополнителным звеном в длинной цепи мероприятий к укреплению мира, неуклонно проводимых Советским Союзом» («Правда», 1934, 10 июня). Газета «Известия» в передовой статье писала об установлении дипломатических отношений между двумя странами как о значительном вкладе «в арсенал средств, которыми будут располагать государства, борющиеся за всемерную отсрочку военной развязки» («Известия», 1934, 10 июня).

7

Из записи беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского¹ с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем о международном положении и перспективах заключения Восточного пакта

Прага

27 июня 1934 г.

Был у Бенеша. Я начал с того, что коротко повторил основное содержание нашего предыдущего разговора в части, касавшейся оценки международного положения, перспектив для заключения Восточного пакта и ближайших практических шагов для осуществления этой задачи². Бенеш с охотой подтвердил правильность моего изложения, после чего я ему сказал, что я докладывал об этом нашем разговоре наркому т. Литвинову и сейчас имею поручение от него сказать Бенешу еще лишний раз о полном совпадении наших хода мыслей и предположений в этой области³. Нарком Литвинов с чувством большого удовлетворения узнал из моего доклада, что предположения, касающиеся дальнейших шагов на пути к осуществлению этой задачи, выглядят совершенно одинаково как у Бенеша, так и у Литвинова.

Бенеш коротко, но в очень любезной форме ответил, что и он чувствует глубокое удовлетворение по этому поводу и просит довести об этом до сведения Литвинова. Я продолжал в том духе, что здесь будет излишним напомнить, что Литвинов еще в Женеве определенно обращал внимание французов на необходимость давления на Англию, которая могла бы воздействовать на Германию⁴.

С другой стороны, я могу сообщить Бенешу, что Литвинов после своего разговора с Нейратом⁵ в Берлине⁶ уже имел возможность указать французам на необходимость энергичного воздействия на Варшаву и, может быть, даже в первую очередь именно на Варшаву⁷. Здесь снова будет весьма к месту сказать, что средства давления, имеющиеся у Франции, смело можно считать достаточными для того, чтобы понудить Польшу принять участие в проектируемом Восточном пакте.

Бенеш перебил меня весьма энергичным подтверждением, что и он считает средства давления Франции на Польшу определенно достаточными для достижения этой цели, а вхождение Польши в пакт обозначало бы и присоединение к нему Германии. Дальше Бенеш в оживленном тоне сказал, что он в свою очередь имеет ряд конфиденциальных сообщений для Литвинова. Хотя я еще не кончил, я решил не мешать Бенешу и вернуться к моим заявлениям позже.

Бенеш говорил по пунктам: 1) Бенеш считал, что в вопросе Восточного пакта нужно действовать «с открытым забралом», прямо и искренне для того, чтобы не могло возникнуть каких-нибудь сомнений о харак-

тере намерений, связанных с этим пактом, лишенным каких бы то ни было умыслов против кого бы то ни было. Поэтому Бенеш в день своего отъезда в Бухарест поручил чехословацкому посланнику в Берлине прямо обратиться к Нейрату и спросить его, «что он думает о таком пакте». Бенеш взял со стола телеграмму и говорил, что ответ, полученный чехословацким посланником от Нейрата, «не был таким уже негативным». На мой вопрос, что же позитивного было в этом ответе, Бенеш уклонился от уточнения, повторив что «нет» не было произнесено. 2) Бенеш, дескать, получает постоянно свою информацию из Парижа. Такая повторная информация показала ему на днях, что и на Кэ д'Орсе не получили ответа от Германии, который можно было бы уже сейчас считать негативным. Ответ был далеко не такого характера, чтобы нужно было считать вопрос о германском отношении к пакту выясненным. Все сказанное оказалось нужным Бенешу для того, чтобы подойти к разговору т. Литвинова с Нейратом и выводам из него. Бенеш дальше сказал, что, таким образом, его впечатление несколько отличается от впечатления Литвинова. Правда, дело идет только о некотором нюансе. Однако этот нюанс нужно бы учесть, и было бы правильно смягчить впечатление Литвинова от разговора с Нейратом на этот нюанс. 3) Бенеш перед отъездом в Бухарест принял польского посланника Гжибовского⁸ и поставил через него прямой вопрос к полякам об их отношении к Восточному пакту, считая, что и с поляками нужно вести открытую игру и избегать возбуждать подозрения в том, что пакт может быть направлен против них или против кого бы то ни было другого. После этого Гжибовский уехал в Варшаву. Бенеш добавил, что не знает, вернется ли Гжибовский вообще в Прагу. До сих пор Бенеш не получил никакого ответа на этот свой вопрос. Как раз сегодня он получил информацию из Парижа о том, что уже вчера французский посланник в Варшаве Лярош получил задание от своего правительства поставить этот вопрос об отношении к пакту Бека и добиваться у него прямого, определенного, ясного ответа без промедления⁹. Бенеш подчеркивал, что вопрос Беку будет поставлен именно в такой категорической и совершенно недвусмысленной форме. Лярош будет требовать ответа «да» или «нет». Я вставил реплику, а что будет говорить Лярош, если Бек скажет «нет»? Бенеш просил меня подождать, потому что он не закончил еще свою информацию, после которой остановится и на этом вопросе. 4) Чехословацкий посланник в Риме имел обстоятельный разговор с германским посланником там. Бенеш подчеркивал, что он имеет основание доверять правдивости того, что ему сообщают из Рима. По этим сообщениям получается так, что Гитлер в Венеции в разговоре с Муссолини¹⁰ не только не отклонял возможности участия Германии в Восточном пакте, но даже допускал это участие «при условии равноправия»¹¹. Муссолини, конечно, не был этим обрадован, но «держался весьма скромно», по выражению Бенеша. Чем объясняется эта скромность? Лукаво посмеиваясь, Бенеш сказал, что здесь простой секрет: итальянская лира уже давно держится только милостью Банк де Франс. Сейчас состояние итальянской лиры такое тяжелое, даже прямо отчаянное, что ей не удержаться иначе, как снова с помощью Банк де Франс. Не требует дальнейших объяснений, почему сейчас Муссолини на время стал несколько скромнее.

Я заметил, что в том, что Гитлер допускал возможность участия в пакте «при условии равноправия», нет ничего нового или особенного, и я не совсем понимаю, какое значение придает Бенеш этому обстоя-

тельству. Бенеш ответил, что на этом кончается его информация, которую он просит передать Литвинову как конфиденциальную, сделанную в порядке «дружеской коллаборации».

Что же касается моего недоумения, то Бенеш охотно выскажет свои личные предположения, о которых он еще не говорил с французами. Это последнее утверждение Бенеш в течение разговора подчеркнул несколько раз. Речь, дескать, идет только о его личных впечатлениях и предположениях, которые и у него самого еще недостаточно выкристаллизовались.

Бенеш считал вероятным то, что Франция согласится на некоторые довооружения Германии, но далеко не на такие, на какие претендуют немцы. При каких условиях это возможно? Конечно, прежде всего при условии соблюдения требования французского тезиса о предварительных гарантиях. Я вставил замечание, что этот тезис связывался с вопросом разоружения, а не довооружения. Бенеш пожал плечами и продолжал, что Восточный пакт с участием СССР — и непременно с участием СССР — был бы такой достаточной гарантией безопасности, которая позволила бы одновременно дать некоторое удовлетворение немецкому требованию «равноправия». Это не значит то довооружение, которого добиваются немцы. Практически речь может идти о весьма ограниченном довооружении, и здесь будет играть роль компромисс, которого Франция сумеет добиться с Англией.

В тоне большого сомнения я сказал, что теперь мне понятна связь с информацией Бенеша из Рима, но я не могу освободиться от чувства опасения, вызванного у меня последним ходом мысли у Бенеша. Не скрыта ли здесь опасность невольного перевода вопроса как раз в ту плоскость «равноправных» довооружений, которая и является целью практики немецкой внешней политики за последнее время. Мы стремимся к созданию гарантий мира, а любое вооружение и довооружение едва ли могут считаться такой гарантией.

Бенеш без обиняков соглашался с этим, одновременно уверяя в довольно пышных выражениях в том, что и его задачей является целиком и полностью укрепление мира, создание гарантий, борьба за разоружение, безопасность и безопасность в первую очередь. Он не позволит провести себя на мякине, не пойдет на сколько-нибудь опасные компромиссы. Он высказал мне лишь свое впечатление в отношении французских настроений. В Париже есть много людей, которые целиком проводят и развивают точку зрения последовательного проведения системы гарантий и безопасности, в частности в форме того же Восточного пакта. Бенеш придает их деятельности большое значение. К таким людям относятся прежде всего Эррио¹² и Леже¹³. Особенно последнему Бенеш придает большое значение. Такие лица хотят идти до конца и добиться Восточного пакта без всяких концессий, если даже из-за этого пакт должен бы быть заключен не только без немцев, но и без поляков¹⁴. Однако сегодня Бенеш еще не может сказать, усвоило ли французское правительство в целом такую точку зрения. Бенеш не знает точно, насколько глубоко воспринял эту точку зрения сам Барту. На примере поручения, данного Лярошу, и по ряду других признаков Бенеш может твердо констатировать, что французское правительство «создает атмосферу» такой решительности идти до конца. Но Бенеш лишь несколько позже сможет с уверенностью сказать, соответствует ли эта внешняя атмосфера полностью внутренним намерениям Франции. Я заметил, что такая неопределенность могла бы быть пагубной, на что Бе-

неш заторопился с уверениями, что у него все-таки опасений нет и этих опасений не должно быть. Бенеш оптимист и еще раз повторяет, что он убежден в пацификации Европы в 1935 г.

Я не стал обнаруживать дальнейшего скептицизма и решил вернуться к последнему вопросу моего посещения, хотя он был уже достаточно освещен рассуждениями самого Бенеша. Я считал все-таки нужным в исполнении данного мне поручения сказать Бенешу дальнейшее от имени г. Литвинова. Поэтому я сказал, что в начале разговора с Бенешем я с удовольствием отметил его энергичную поддержку мнения наркома Литвинова о том, что в руках у Франции имеется достаточно средств давления на Польшу для того, чтобы понудить ее присоединиться к пакту. Нарком считает, что в этом случае Германия должна будет присоединиться к пакту, а если нет, то пакт осуществится и без нее. Поэтому нарком придает большое значение энергичному воздействию именно на Варшаву. Что думает Бенеш на этот счет? Бенеш ответил, что, по его мнению, если на пакт пойдет Варшава, то на него пойдет и Берлин. И наоборот, за Берлином пойдет Варшава. Тут прямая взаимозависимость. Ссылаясь на предыдущее, Бенеш уверял, что и он целиком стоит за консеквентность* в линии преследования задачи заключения Восточного пакта, и потому считает, что пакт может осуществиться и без Польши и Германии. Он слишком тесно связывал Польшу и Германию, на что я обратил его внимание. Бенеш в несколько неопределенном тоне допускал возможность включения в пакт Польши и заключения пакта только без Германии, но все же чувствовалось, что он в большом сомнении по поводу физиономии Польши. Довольно характерной иллюстрацией на эту тему было то, что рассказывал Бенеш о Бухаресте. Нижеследующее стояло уже несколько особняком в отношении предыдущего комплекса вопросов и было как бы дополнительной информацией Бенеша по текущим вопросам.

Бенеш рассказал о том, что поведение Польши за последний период вызвало большое неудовольствие в Румынии и даже в Югославии. Поляки грубо-откровенно интриговали в Бухаресте. Они старались насадить в Румынии диктатуру. Поддерживали «Железную гвардию»¹⁵, распускали разные слухи о крушении Малой Антанты, интриговали против Титулеску¹⁶. Король¹⁷ в известной мере поддавался желанию установить диктатуру. Однако в результате «румынская общественность» возмутилась, и сейчас произошла консолидация общественного мнения и даже политических партий. В частности, царанисты¹⁸ тоже поднялись против польских интриг. Бенеш утверждал, что нынешний режим сильно укрепился, а в частности, произошло очень большое укрепление положения Татареску¹⁹ и Титулеску.

О поездке Барту в Бухарест и Белград²⁰ Бенеш в очень определенной форме сказал, что ее нужно прежде всего расценить как антипольскую демонстрацию. Барту разговаривал с королем. Бенеш не знает, о чем был разговор, но повторяет, что поездка Барту имела антипольское острое.

Совет Малой Антанты, кроме вопросов общеевропейской политики, занимался и своими малоантантовскими делами. Почему Гёмбеш²¹ сейчас так волнуется? Речь шла о придунайском экономическом сотрудничестве. Бенеш дал характеристику Гёмбеша. Гёмбеш импульсивен, не понимает политических вопросов, не знает людей в Европе и из-за это-

* Последовательность (франц.).

го делает глупости, а потом слишком темпераментно волнуется. По вопросу придунайского экономического сотрудничества Гёмбеш сделал Малой Антанте высокопарное заявление, что он «не считает возможным подменять вопросы территориальные вопросами экономического сотрудничества». Это должно было обозначать, что Гёмбеш сначала хочет и при этом случае выдвинуть вопрос о ревизии. Бенеш поймал его на неудачной формулировке и ответил, что полностью принимает его точку зрения и тоже не считает возможным подменять текущий вопрос об экономическом сотрудничестве вопросом о территориальном статусе. У великих держав, в частности и в Англии, после этого должно было сложиться впечатление, что Венгрия отказывается от сотрудничества в данных условиях. Гёмбеш испугался этого и сделал разъяснение, что его заявление не относилось к возможности экономического сотрудничества «тем временем», но он допускает такое сотрудничество не с Малой Антантой в целом, а с отдельными государствами. Бенеш якобы поймал его на этом разъяснении и ответил, что и эту точку зрения он принимает и назначает делегацию для переговоров о торговом договоре. Гёмбеш оказался вынужденным не брать на себя одиум уклоняющегося от коллаборации и сейчас страшно зол на Бенеша.

Небезынтересно отметить, как Бенеш сейчас расценивает внутреннее положение в Германии. По его убеждению, режим Гитлера морально уже дискредитирован и не имеет больше опоры в массах. Однако история знает, когда морально и материально дискредитированные и опустошенные режимы продолжали еще достаточно долго держаться силой бюрократического аппарата. Поэтому Бенеш не ждет уже завтра катастрофы в Германии, а в частности, не ждет революционных событий. По его предположениям, гитлеровский режим в Германии в сравнительно недалеком будущем будет заменен «режимом германского рейхсвера». Лучше это или хуже — покажет будущее. Скорее всего, это будет лучше в качестве переходной ступени к дальнейшей демократизации.

Бенеш сообщил, что Павлу²² уже назначен посланником в Москву постановлением совета министров, но бюрократическая процедура в Чехословакии носит несколько длительный характер, и поэтому лишь через несколько дней об этом будет официальная публикация. Я сообщил, что уже получил мои верительные грамоты²³. Бенеш сказал, что их вручение может состояться в ближайшие дни, но он хотел бы, чтобы это было не раньше публикации о назначении Павлу. Я соглашался. Затем он сказал, что Масарик²⁴ еще очень слаб после болезни и поэтому вручение состоится, вероятно, в его поместье в Ланах, в 40 км от Праги²⁵. Относительно Павлу Бенеш хочет, чтобы тот немедленно поехал в Москву, осмотрелся, сменил бы весь личный состав миссии в Москве и сделал вообще все для того, чтобы «ничего и никто из прошлого не влияли на новые взаимоотношения. Чтобы и следа не оставалось от старого духа. Мы начинаем писать историю наших взаимоотношений с красной строчки, и этому ничто не должно мешать».

Полпред СССР в ЧСР

Александровский

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII. М., 1971, с. 419—425.

¹ Александровский С. С.— См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 568.

² См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 390—393, а также прим. 3 к док. 3.

- ³ Там же, с. 417—419.
- ⁴ Там же, с. 340.
- ⁵ Нейрат К. (1873—1956) — министр иностранных дел Германии в 1932—1938 гг., в 1938—1939 гг. глава тайного кабинета высшего консультативного органа фашистской Германии по вопросам внешней политики, в 1939—1942 гг. глава так называемого Протектората Чехия и Моравия, созданного на территории оккупированных Германией Чешских земель. Как военный преступник был осужден международным судом на Нюрнбергском процессе.
- ⁶ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 386—389.
- ⁷ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 400—401.
- ⁸ Гжибовский В.— См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 581.
- ⁹ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 433, 482—483, а также прим. 3 к док. 5.
- ¹⁰ См. письмо полномочного представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в НКВД СССР о переговорах Гитлера и Муссолини в Венеции («Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 446—455).
- Муссолини Б.— См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 79.
- ¹¹ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 446—455, а также прим. 2 к док. 5.
- ¹² Эррио Э. (1872—1957) — французский государственный и политический деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов, в 1924—1936 гг. занимал различные министерские посты, в 1926 и 1932 гг. премьер-министр. Выступал за создание системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР. В 1947—1954 гг.— председатель, в 1954—1957 гг.— почетный председатель Национального собрания Франции.
- ¹³ Леже А. (псевдоним, Сен-Жон Перс) (1887—1975) — французский поэт и дипломат. Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции.
- ¹⁴ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 295—298, 805.
- ¹⁵ Фашистская организация в Румынии, созданная в 1930 г.
- ¹⁶ Титулеску Н.— См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. II, с. 541. В 1934—1936 гг. выступал за создание Восточного пакта.
- ¹⁷ Имеется в виду Гогенцоллерн-Сигмаринген Кароль (1893—1953) — румынский король, правивший в 1930—1940 гг.
- ¹⁸ Члены правящей буржуазной Национал-царанистской партии в Румынии.
- ¹⁹ Татареску Г. (1886—1957) — румынский государственный и политический деятель, в 1934—1937 гг. премьер-министр, в 1938 г. министр иностранных дел, в 1939—1940 гг. заместитель премьер-министра и министр внутренних дел, в 1945—1947 гг. заместитель премьер-министра и министр иностранных дел в демократическом правительстве П. Грозы.
- ²⁰ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 458—460.
- ²¹ Гёмбеш Я. Г. (1886—1936) — венгерский государственный и политический деятель в 1929—1936 гг. военный министр, в 1932—1936 гг. премьер-министр. Лидер венгерских националистов. Правительство Гёмбеша сотрудничало с фашистскими Германией и Италией.
- ²² Павлу Б.— См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. I, с. 84.
- ²³ См.: «Документы внешней политики СССР», т. XVII, с. 417—419.
- ²⁴ Масарик Т. Г.— См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. I, с. 29.
- ²⁵ Вручение верительных грамот С. С. Александровским состоялось 18 июля 1934 г. (см. док. 11). Чехословацкий посланник в СССР Б. Павлу вручил свои верительные грамоты Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину 8 августа 1934 г. См.: «Известия», 1934, 9 августа.